

Соб. кув. Д. Г. Д. 1963, 6 шост.

1963.

РАЗРЕШИТЕ познакомиться вас с главными действующими лицами спектакля Московского драматического театра имени К. С. Станиславского «Трехгрошовая опера». Мекхит — «красавец мужичок» и знаменитый бандит. Не удивительно, что от такого зятя отказывается даже «друг нищих» Пичем, человек, не лишенный здравого смысла, хотя и не претендующий на безукоризненную репутацию. Этот старый проходимец держит в ежовых рукавицах своих «клиентов» и сумел прибрать к рукам даже шерифа полиции Брауна.

«Пантера Браун» — так окрестили его люди и джентльмены из Сохо. (Автор этих строк никогда не бывал в Сохо, но, смею вас заверить, это не самый фешенебельный квартал британской столицы). «Пантера Браун» очень сентиментален, и его трогательная любовь к Мекхиту, подкупаемая процентами с доходов процветающего мужика, кажется непонятной.

На последнюю роль в «Трехгрошовой опере» играет хозяйка веселого дома — одна из многочисленных возлюбленных Мекхита, Бедняжка Дженин. Не рассчитывайте, что она окажется благороднее других. Для этого просто нет никаких оснований.

Да, вы еще ничего не знаете об очаровательной Полии Пичем. Девушка, что надо! Такие выходят иногда замуж за американских миллионеров или становятся знаменитыми шпионками.

Теперь представьте всю эту компанию на самом «дне» капиталистического Лондона.

Мекхит — в зените! У него уже почти достает денег, чтобы заняться грабежом, не нарушая законов, а в полном с ними соответствии — например, стать банкиром. Все идет прекрасно! Но над головой удачливого Мекхита уже собираются грозовые тучи. Разъяренный папа Пичем пригрозила Брауну: если на заре Мекхит не будет повешен, то его подопечные, вся эта наделенная приобретенными на время в контора Пичема болезнями и уродствами свора сумеет испортить настроение повзвращальнице британских островов в день коронации. Дьявольский ход! Можно ли

винить шерифа полиции, что, обретая покой высочайшей особы и собственную шкуру, он отдал приказ об аресте своего лучшего друга?

Мекхи-Нож доживает последние минуты. Наступил час справедливого возмездия. Боже, храни королеву! На шафоте Мекхит с петлей на шее. Минута — и... Но, оказывается, напрасно огорчались (правда, не слишком) жены Мекхита, его вероломные возлюбленные и продажные сообщники, напрасно торжествовали его недруги — прискакавший в буквальном смысле верхом на палочке «королевские вестник» (конечно же, это шериф Браун) сообщает отличную новость: преступник помилован! Королева жалует Мекхиту дворянское звание, замок Мармадель и пожизненную ренту! Боже, храни королеву!

Зрители покидают зал, напевая полублудную мелодию Вейля... Настрение веселое, приподнятое... Такая опентакль. А какова пьеса Бертольта Брехта?

ВСПОМНИМ, что «Трехгрошовую оперу» автор определял как «провокационную» произведение, разумея под этим, вероятно, что блестящая сценическая форма, занимательный сюжет здесь — только наиболее вычлняющиеся средство для немолдмых разоблачений. И конечно, и место действия, и действующие лица: нищие, воры, пролетарии — это главным образом авторское «приспосабливание» для изображения капиталистического общества. В грязном зеркале Сохо ярко отражаются буржуазные нравы. Вспомним также, когда и для кого была написана пьеса. Для зрителей капиталистических стран эти жанровые картины из жизни люмпен-пролетариата — реально существующей части общества. Наконец, параллели, реплики и особенно «баллады», в которых сосредоточена публицистическая мысль пьесы, воспринимают они

чрезвычайно остро. Одни — потому, что чувствуют себя объектом критических стрел автора, другие — потому что пьеса Брехта помогает понять простую, но тщательно маскируемую столицами буржуазного общества правду: нажива и преступление — родные сестры, бизнесмен и разбойник — родные братья. Вывод этот приводил «власть имущих» в шенство, а немощных — в восторг.

«Трехгрошовая опера» — произведение критического направления. Автор хотел заставить зрителя «задуматься над основами капиталистического общества, усомниться в справедливости и состоятельности этого общества». Однако уже очень скоро, по мере развития мировоззрения Брехта, эта «программа-миллиуму» перестала удовлетворять драматурга и, возвращаясь к интригованному его сюжету, Брехт каждый раз стремился к усилению сатирического звучания, к более крупным социальным обобщениям.

Предоставим себе, что Бертольт Брехт посетил бы «Трехгрошовую оперу» в Театре Станиславского... Я же беру на себя смелость оценить авторство спектакля с позиции автора, но одно можно сказать с уверенностью: он предельно был (как в свое время пытался сделать это в сценарии «Трехгрошовой фильма») усилить в постановке московского театра «блговую политическую тенденцию». Не следует забывать, что «Трехгрошовая опера» написана не с добродушной улыбкой, а во гневе, не иронизируя, а уничтожая. Обращаясь к этому сюжету, Брехт смотрел на него, пожалуй, не столько глазами Джона Гей, у которого он его замыслювал, сколько глазами великого сатирика Дюма-младшего, подкававшего Гейю эту тему. Принимаемая и поставленная «Трехгрошовую оперу» сегодня, театр располагает уже всем творчеством «любознательнейшего Брехта», претерпевшего горечь эмиграции, стыд и боль за тяжкие преступления, совершаемые людьми, говорящими на его родном языке, убежденного борца за мир, страстно антифашиста, который через много лет после создания «Трехгрошовой оперы» предупреждал нас («Нарьяра Артура Уэй») об опасности фашистского «ренессанса»:

...Еще плодоносить способно чрево, в котором мы вынашивали гада.

И, конечно, советские художники должны читать раннее произведение Брехта с высоты его творчества последних лет!

Высказывая свои соображения, я меньше всего претендую на «первоисторичность» этих широко известных и никем не оспариваемых истин. Больше того, я прекрасно понимаю, что и весь коллектив, и прежде всего постановщик С. Туманов искренне к этому стремились и немало доложили. Так почему же иногда происходит недопустимое смещение акцентов, досадный крен в сторону чистой развлекательности?

„ТРЕХГРОШОВАЯ ОПЕРА“

НА ПРИМЕРЕ этого спектакля нетрудно убедиться, что актеры наши, лоскующие по инерции пьесы, не всегда готовы по-настоящему ее сыграть. Об этом следует задуматься серьезно, особенно молодым. Иначе многих ждут неудачи, парадоксальные в своем существе (как это случилось с некоторыми актерскими «Трехгрошовой оперы»). Получив долгожданную возможность «блеснуть» профессиональной техникой, мастерством, актеры не всегда умеют этой возможностью воспользоваться: не всегда они владеют формой настолько, чтобы она в первую очередь служила средством выражения мысли, идеи произведение, подтверждающая тем самым, что мастера, которым хотелось бы «блеснуть», явно не хватает. Так, сыграв, исполнительнице роли Дженин (Н. Животова), счастливо избежавшей штампов, при помощи которых изображали обычных стареющих «жриц любви», не вполне удается легкость фразировки и естественность колоссальной в кулисах охвачена с драматической и сатирической их сущностью... Дженин у Брехта — фигура почти трагическая, что не всегда подтверждается актрисой. А ведь «Трехгрошовая опера» построена именно на приеме нарочитых противоречий между формой и содержанием, служащих средством сатирического обличения: пока капиталистическое «чрево» способно плодоносить, оно будет порождать только нищету, угнетение, расовую дискриминацию и разрушительные войны. Разве не «чрево» капиталистического мира обеспечило возможность реализовать чуждую ненавистничеству идеи филантропии? И ведь именно среди подлостей общества находил филантропия наиболее жестоких и нечестных палачей. С этой точки зрения дружба между преступником Мекхитом и благодетелем акционер Брауном воспринимается как философское обобщение: столкновение на самой нижней и на самой верхней ступеньке капиталистического общества — единичное в полном отсутствии человечности. Деньги — их бог. Путь к престолу этого жестокого божества лежит через предательство (предает ли в расчете на несколько пенни или на миллион долларов, существо дела от этого не меняется). Путь лежит через разорение мелких хищников хищниками крупными. На пути своем эти современные конквистадоры, так же как и их озверевшие предки, сеют только горе и смерть.

НЕЛЕГКО измерить и тем более исчерпать глубину брехтовских мыслей, глубоко также и сатирических, разнообразной брехтовской формы, подчинять ее сверхзадаче своего образа, сделать проводником яркой публицистической идеи спектакля. И некоторые исполнители вполне или несильно скользят по ее блестящей поверхности... Это в большой мере относится к В. Анисьяно (Мекхит), которому можно посоветовать (отталкиваясь прежде всего от авторских комментариев) меньше беспечно говорить о том, чтобы оправдать успех своего героя у женщины, и решительнее утверждать нас в мысли, что Мекхи-Нож отнюдь

не благородный разбойник, вроде пиллеровского Карла Моора, и давно уже осыпался для шкелиды жав поста руководителя крупного концерна (что, по существу, для Брехта одно и то же).

Наибольшее творческое успеха добились пока актеры Леонов, Савченко, Ляхницкий и Салант, хотя и их роли могут и будут, разумеется, расти вглубь. «Друг нищих» Пичем (Е. Леонов) вполне убеждает нас, что спекулировать на человеческом эгоизме (который он с чисто английским юмором именует «чувством сострадания») ничуть не хуже, чем делать бизнес на банковских операциях. Ясно ощущается перпендикуляр роли у Л. Савченко (Поли). Актриса многого добилась, но оставляет приятную уверенность, что может сделать еще больше. Иронически-доброжелательная манера С. Ляхницкого (лучший певец) весьма способствует атмосфере приключенческой театральности. В конце концов лучший певец — единственный человек, который сравнительно честно зарабатывает хлеб, развлекая воров и проститутки. И, вероятно, из случайно он не принимает никакого участия в сюжете, ограничиваясь комментариями, помогающими сохранить контакт между сценой и зрительным залом. До конца правды, правды по отношению к жанру и к своему герою Н. Салант. «Пантера Браун» — отвратительный лжегерой и ханжа. Он издевается, как избалованный ребенок, и жаден, как старуха ласковая. Отправив своего лучшего друга за решетку, он выкачивает для него справку, но сорвался с ним из-за последнего «мохора». Он сердится, что Мекхиту не хочется умирать, и если бы кабы состоялась, вероятно, непременно похлопотал бы в спасении его души. Мы понимаем, что Браун — страшный человек, но смеется над ним — автор помнит, что играет сатирическую комедию.

КОЛЛЕКТИВУ, обратившемуся к этой пьесе, следует прежде всего подумать о профессиональном уровне группы. Недостаток мастерства может привести к тому, что сатирическое произведение обернется комедией оверткой с элементами детектива и фарса.

Сравнится и усиленно социальное, обличительное звучание замечательных пьес замечательного немецкого писателя — к этому обязывает театр профессиональное достоинство, гражданское чувство советских художников и дарение нас имени Бертольта Брехта и Константина Сергеевича Станиславского.

Н. РУДНИЦЕВА.